

От автора

Размышления по поводу мифа о Персефоне, которые занимали меня на протяжении многих лет, внезапно получили новый импульс благодаря обнаружению в Индонезии, на острове Серам из Молуккского архипелага, родственного ему мифа. Я изложил свои мысли в истории Кору^а, опубликованной под названием «Божественная дева», а затем во «Введении в сущность мифологии» с психологическим комментарием профессора Юнга. Далее я планировал написать еще несколько важных примечаний, поводом для которых стало появление образа лабиринта в этой же системе мифов. Для издания *Laureae Aquincenses II* я в июле 1940 года создал текст под названием «Лабиринт — линейное отражение мифологической идеи», позднее отпечатанный в 50 экземплярах. О появле-

^а Кора — альтернативное имя Персефоны.

нии самого издания мне ничего не было известно.

Кампания против Франции была в самом разгаре. Значительная часть специальной литературы на английском языке оказалась мне недоступна. В особенности меня печалил тот факт, что я не мог раздобыть весьма ценные работы голландских коллег, в первую очередь статью профессора Бёля «К вавилонскому происхождению лабиринта». Мне приходилось во многом опираться на свою память, без какой-либо уверенности в том, что я правильно помню все его идеи. В результате я был вынужден исключить из своего текста весь материал, касавшийся Древнего Востока. С тех пор мне удалось наверстать кое-что из упущенного и дополнить свое исследование ранее отсутствовавшими на его страницах сюжетами.

Я также спросил профессора Юнга о том, не хочет ли он и в этом вопросе провести какие-либо психологические параллели. В ответ он порекомендовал мне обратиться к статье своего ученика доктора К. А. Мейера из Цюриха, опубликованной в девятом томе «Центрального журнала психотерапии и ее пограничных сфер» (*Zentralblatt für Psychotherapie und ihre Grenzgebiete*) под

названием «Спонтанные манифестации коллективного бессознательного». В этой статье автор среди прочего кратко описывает историю болезни одной своей пациентки, связанную с образом лабиринта. После публикации этой статьи доктор Мейер продолжил сбор аналогичного материала как на основании своей личной практики, так и в исследовательской литературе, и я надеюсь, что плоды его интереснейшего труда будут опубликованы в отдельном выпуске *Albae Vigiliae*.

Мои исследования образа лабиринта все еще не завершены. Специалисты легко найдут в этом тексте такие места, где знаток археологии и этнологии может без особого труда продолжить мою мысль. К примеру, в 11-й главе многие сюжеты оказались лишь намечены несколькими короткими штрихами. Так, я не стал рассматривать новейшие гипотезы, касающиеся расовых, языковых и прочих вопросов, связанных с доисторической Грецией. Последняя глава также не имеет заключительного характера — скорее она предлагает сюжеты для дальнейших исследований и содержит в себе определенный личный опыт. Я обхожу молчанием и то, что связано с центральным событием мифа; писать об этом пока рано. Скажу толь-

ко, что мистическую свадьбу, о которой идет речь в «Эгейском празднике», предваряет танец лабиринта — «в кружащем движении вверх»^b...

^b Цитата из «Фауста» И. В. Гете.

Появляется желание склониться над
оставленной без внимания, почти
забытой тайной всей жизни...

Генриетта Роланд Хольст

1. Проблема и тайна

Проблема лабиринта имеет одну интересную особенность — впрочем, такую же особенность мы встретим и у большинства мифов, если всерьез ими займемся. Эти проблемы не могут быть устранены каким-либо решением. Они являются тайнами в том смысле, в котором великий истолкователь сложнейших поэтических текстов противопоставляет друг другу «проблему» и «тайну»: «Одна должна быть решена; как только это происходит, она исчезает. Вторая, напротив, должна быть узнана, почитаема, стать частью собственной жизни. Тайна, которой может быть найдено объяснение, не есть тайна. Истинная тайна не поддается объяснению — не потому, что она с помощью уловок обманывает исследователя, а потому, что она по сути своей недоступна для рационального подхода. Но при этом она принадлежит той же действительности, что и объяснимые

феномены, и прекрасно уживается с ними. Функция объяснимого здесь заключается в том, чтобы показывать нам, что есть истинно необъяснимое»¹.

Мифологемы, образы богов, религиозные символы не могут рассматриваться как проблемы, подлежащие решению. Мы можем лишь проследить их происхождение — от идей, архетипов, прообразов. Они занимают нас, подобно истинным тайнам. На вопрос о значении мифов, изображений, обычаев, связанных с лабиринтами, лейденский исследователь религии Вильям Бреде Кристенсен уже дал интуитивный ответ: они демонстрируют нам подземный мир.

Однако является ли это решением загадки лабиринта? Напротив: лабиринты — в тексте, изображении или танце — в роли идеи, архетипа или прообраза не уступают столь же загадочному, но бессодержательному «подземному миру». Объяснение, которое выводит нечто материальное из бесплотного — будь то явление духовной жизни или понятие, — игнорирует в нем как раз наиболее существенное. Кристенсен писал о том, что лабиринт «со своими поворотами и тупиками, из которых никто не в состоянии найти выход», может быть лишь отражением царства

мертвых². Однако действительно ли в образе лабиринта важно именно это — а не то, что выход из множества тупиков все-таки есть?³ И не носит ли эта связь обратного характера — «подземный мир» как образ лабиринта?

В дальнейшем мы будем опираться на следующий принцип: при попытках объяснения феномена лабиринта не терять из виду его графические изображения, используя абстрактный материал — рассказы и танцы — лишь постольку, поскольку он действительно может считаться достоверным. Если же в процессе мы обнаружим среди объясненного нечто необъяснимое — неосознанное знание о предстоящем исходе жизни, — мы будем считать это тайной, которая, даже не будучи разгаданной, представляет для нас ценность.

2. Вавилон

Там, где лабиринты дошли до нас в качестве памятников древних верований или, по меньшей мере, древних искусств, они обычно представлены спиральной формой, зачастую совсем простой. Любая спираль, даже чисто декоративная, является лабиринтом — мы можем осмыслить ее как путь и представить самих себя на этом пути. Нам нужно уметь поместить себя в рамки изображения, чтобы понять мифологическую реальность лабиринта. Носители этой реальности находились и двигались внутри лабиринта; она пробуждалась в них время от времени, выражая движениями или рассказами непосредственно пережитое. Если мы хотим понять суть этих переживаний, нам нужно вчитаться в эти рассказы — тексты немых лабиринтов.

Большое значение имела находка, сделанная в начале текущего столетия — в кол-

лекции глиняных табличек, попавших из раскопок Месопотамии в европейские музеи, были обнаружены изображения лабиринтов, в том числе сопровождавшиеся клинописными текстами. Табличка из Берлина (рис. 1)⁴ и аналогичная табличка из Лейдена⁵ не содержат надписей, однако демонстрируют нам чистую спиральную форму. Близкое родство этих рисунков с изображениями лабиринтов на критских монетах и спиральными каменными узорами в Северной Европе бросается в глаза. Расшифровать значение этих рисунков позволяют большие таблички, на которых видны целые ряды спиральных узоров в различных вариантах с сопутствующими надписями (рис. 2 и 3)⁶. Скучные, плохо понятные тексты: но мы должны строго придерживаться их, если хотим что-то узнать о значении этих рисунков в культуре Месопотамии.

Из клинописных текстов становится ясно, что на рисунках изображены внутренности жертвенных животных, по которым проводилось гадание. Очевидно, приведены примеры такого гадания из прошлого — в качестве инструкций на будущее, с соответствующими разъяснениями. Последние касаются формы кишечника. «Они повернуты влево

Рис. 1. Лабиринт в Месопотамии

Рис. 2. Из вавилонского «архива внутреннихностей» I

Рис. 3. Из вавилонского
«архива внутренностей» II

и затем разветвляются» — переводит надпись ассириолог, опубликовавший первое исследование этого сюжета⁷. Он добавляет: «Это должно означать, что внутренности образуют сначала закрученную влево спираль, которая потом заканчивается, и отдельные кишки напрямую стремятся к выходу из кишечника. Рисунок подтверждает это объяснение». В другом случае, похоже, дается и толкование: «Божество оставит нас в беде»⁸.

Толкование зависело от того, что можно было увидеть, глядя на внутренности. И что же можно было увидеть? Ответ на этот вопрос дают частью сами рисунки, частью сопровождающие их надписи. Изображения далеки от того, чтобы быть реалистичными: многообразие внутренностей они сводят к нескольким линиям. Ключевой формой этих линий является, очевидно, спираль; разные ее виды находятся во внутренностях различных жертвенных животных. Под покровом сугубо телесного и материального просматривается другая действительность, мифологическая, о которой упоминают и надписи. В них говорится о дворце: «дворце внутренностей» (на древнем языке *êkal tirâni*). Можно догадаться о том, какой

дворец имеется в виду⁹: то самое подземное царство, которое, отражаясь в разных формах внутренностей, может по-разному влиять на мир живых — как благоприятно, так и неблагоприятно. В рамках, казалось бы, чисто материального феномена оно предстает в качестве высшей реальности, спиральной конструкции, которую внутренности жертвенного животного передают таким же образом, каким печень отображает области небесного свода¹⁰.

Как получилось, что кишки стали «дворцом внутренностей» и подземный мир оказался представлен как «дворец *внутренностей*»? Подземный мир и кишечник связаны между собой через образ подземного существа, противника Гильгамеша, демона Хумбабу; он жил в волшебном лесу с «тайными дорожками» и «тупиковыми тропами», а его лицо было покрыто кишками¹¹. В этом примере лабиринт и подземный мир отождествляются друг с другом, но на первом месте находится именно лабиринт, который предстает перед нами в образе волшебного леса или внутренностей. Нет никаких доказательств тому, что внешний опыт — созерцание внутренностей — имел приоритет перед внутренним, мифологическим содержанием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru